

угольной и лесной промышленности спецпереселенцы и заключенные составляли массовую рабочую силу. По данным ОТПК УНКВД по Западной Сибири в 1936 г. доля спецпереселенцев среди постоянно работающих на комбинате «Кузбассуголь» составляла в среднем около 40%, в тресте «Кузнецкстрой» — 48,3%, в тресте «Запсибзолото» — 29,2%. На 1 ноября 1938 г. в различных отраслях экономики Кузбасса было задействовано 16 102 семьи спецпереселенцев общей численностью 73 854 чел. Из них трудоспособное население составляло 35 020 чел. (17 266 мужчин и 17 540 женщин) (*Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. Кемерово, 2009. С. 55, 63*).

Мобилизационной экономике соответствовал мобилизационный характер формирования рабочих кадров. По-видимому, для развертывания индустриального строительства в Сибири в годы первых пятилеток альтернативы этому не было. Только мобилизационным путем можно было в короткие сроки решить проблему быстрого роста количества работников индустриального труда в регионе. Наиболее быстрыми темпами оно росло в промышленности и строительстве. За 1929–1936 гг. число рабочих и служащих в промышленности Сибири увеличилось с 115,3 до 526,3 тыс. чел. Темпы роста численности рабочих и служащих индустриальных предприятий истроек Сибири в два раза превышали общесоюзные. Благодаря этому в регионе в годы довоенных пятилеток появились крупные металлургические предприятия, машиностроительные комплексы, новые шахты и рудники, составившие затем основу для роста военно-оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны (*См: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 228*).

Т.П. УРОЖАЕВА

ТОРГОВЛЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1980-е гг.

Тенденция к снижению темпов товарооборота со второй половины 1970-х–начала 1980-х гг. наблюдалась не только в городах региона, но и в РСФСР в целом. Одной из причин падения темпов прироста являлось противоречие между возрастающими потребностями населения и снижением товарной массы. Рост товарооборота не поспевал за повышением покупательной способности населения региона. В городах Иркутской области при более высоком уровне денежных доходов торговое обеспечение по качеству несколько уступало обеспечению в обжитых районах. В итоге рождался так называемый «отложенный» спрос, который зачастую удовлетворялся за пределами региона, что, безусловно, снижало объемы товарооборота в регионе. Иркутская область не имела опере-

жающих темпов роста товарооборота, это, в свою очередь, сказывалось на недостаточном объеме снабжения продуктами и товарами населения региона. Так, потребление молока и молочных продуктов в городах Приангарье на одного жителя отставало от уровня РСФСР в 1975 г. на 16 л в год, а в 1986 г. — на 24 л в год; мяса — соответственно на 21 и 36 кг.

Продовольственные товары населению Иркутской области обходились дороже, чем жителям центра страны. Это объясняется тем, что розничные цены в государственной торговле (территория региона входила во II и отчасти III пояса цен), были на 8–9% выше, чем цены в районах средней полосы РСФСР. Кроме того в регионе большую роль играли кооперативная торговля и колхозный рынок, где цены на продукты питания были на 30% выше по сравнению с центром европейской части страны. На всем протяжении развития региона наблюдалась общая закономерность — обеспеченность продовольственными магазинами была, как правило, выше, чем промтоварными. Низкий удельный вес оборота непродовольственных товаров объясняется тем, что значительную часть промтоваров население региона приобретало в других городах страны в период отпусков. Об этом свидетельствует тот факт, что доля расходов жителей на покупку товаров по месту проживания в общей сумме расходов составляла 56%, в то время как в целом по стране на эти цели приходилось 70% всех расходов. В 1980 г. на долю государственной продовольственной торговли приходилось 69,2% оборота продовольственной торговли, 20,8% — на кооперативную торговлю, 10% — на колхозные рынки (*Бернвальд А.Р. Региональные проблемы товарного обращения в районах Сибири и Дальнего Востока. М., 1984. С. 43*).

Многочисленные жалобы горожан на качество торгового обслуживания и ассортимент товаров имели место на протяжении всего периода 1980-х гг. (*О письмах трудящихся, поступивших в обком КПСС в 1980 г. // ГАНИИО, ф. 127, оп. 109, д. 16, л. 95; О фактах нарушения правил советской торговли в области // ГАНИИО, ф. 127, оп. 109, д. 22, л. 64*). На уровне руководства Иркутской области принимались многочисленные постановления, однако полностью устранить проблему товарного и продовольственного дефицита за счет внутриобластных резервов не удавалось. Торгующие организации, как правило, ведомственной принадлежности, стремились обеспечить горожан, в первую очередь, продовольствием, доля которого на определенных этапах развития оказывалась завышенной в общей структуре товарооборота.

Потребительские нужды северных городов региона обслуживали «Главсеверторг» и секция Роспотребсоюза, а также многочисленные УРСы и продснабы. Планирование фондов по хлебопродуктам осуществлялось Управлением хлебопродуктов Министерства торговли РСФСР; по картофелю, овощам и фруктам — Управлением торговли плодоовощами Министерства торговли РСФСР (*Рыков В.М. Продовольственная*

база ТПК: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса. Иркутск, 1986. С. 79). Такое положение было чревато серьезными последствиями: в случае срыва поставок северные города Иркутской области не смогли бы обеспечить потребности населения своими внутренними, региональными ресурсами.

Нередко уровень снабжения продуктами и товарами населения некоторых городов региона в 1980-е гг. был более высоким, чем населения областного центра. Иркутск снабжался продуктами и промышленными товарами намного хуже, чем находящийся неподалеку Ангарск, поэтому иркутяне часто ездили к соседям за продуктами. Очевидцы тех событий опубликовали свои комментарии в региональной прессе: «Надо было приезжать с утра, иначе ничего не купишь: после обеда все убиралось с прилавков, чтобы иркутяне не скупили — больше всего их после обеда приезжало» (М., 45 лет, Иркутск). Удачей для жителей не только областного центра, но близ лежащих сельских населенных пунктов считалось прикрепиться к «ангарскому снабжению». Одно из геологических предприятий, которое находилось в Иркутске (его экспедиция базировалась в пригородном селе), смогло этого добиться, апеллируя к тому, что оно ведет разведку месторождения полезных ископаемых. Два раза в неделю машина геологов уезжала в Ангарск пустой и возвращалась, полная дефицитных продуктов и товаров, которые расходились по талонам среди жителей села. В эти дни в деревню приезжали горожане, которые шли сразу в магазин «Геолог»: «Приходил полный автобус из города. У нас и носки были, и колбаса и масло. Хоть и по талонам, но было» (Ж., 38 лет, с. Усть-Куда) (*Карнаухов А. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 г. // Восточно-Сибирская правда. 1990. 14 сент.*). В 1989 г. в Ангарске, как и во всех городах Иркутской области, было введено регламентированное снабжение — талоны. Разница состояла в том, что именно на них можно было купить. Из-за еще сохранявшегося «московского снабжения» на талоны в Ангарске, по сравнению с Иркутском, можно было купить более качественные и разнообразные продукты. На состав и вес продовольственной корзины городов влияли государственные структуры (подразделения Минторга, Госагропрома и т.д.), которые занимались производством и распределением продуктов в масштабах всей страны, а распределение это было очевидно иерархизированным.

Промышленный рывок начала 1980-х гг. привел к диспропорциям в продовольственном и товарном обеспечении населения региона. Перекос в экономике привел к дефициту товаров народного потребления, на некоторые из них (мясо, масло, сахар, чай, мыло, моющие средства) в конце 1980-х гг. были введены талоны. В Иркутской области крайне плохо выполнялись обязательства по поставкам продукции. С начала 1988 г. этот показатель был выполнен на 98,6% (самый низкий показатель в РСФСР). Было недопоставлено продукции на 70 млн р., и пред-

приятия-производители не дополучили прибыли более чем на 20 млн р. (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 126. Д. 13. Л. 20). По данным региональной прессы, в 1989 г. в Иркутской области было произведено 126,7 тыс. т мяса, 737 тыс. л молока, 103 тыс. т овощей (*Советская молодежь*. 1990. 6 марта). За движением продовольствия и товаров пытались установить контроль, проводя регулярно рейды и проверки. С 1985 по 1989 гг. потребление мяса на душу населения Иркутской области сократилось с 60 до 58 кг, молока и молочных продуктов — с 321 до 241 кг, сахара — с 41,8 до 25,6 кг. В то же время возросло потребление хлеба со 110 до 115 кг, картофеля — со 110 до 153 кг, которые стали основными продуктами питания для широких слоев населения. На некоторые продукты питания были введены нормы выдачи в одни руки: 400 г сливочного масла (две пачки), 1 кг колбасных изделий и т.п. (*Восточно-Сибирская правда*. 1990. 4 янв.). За этими продуктами выстраивались огромные очереди, в которые взрослые брали с собой и детей, чтобы отовариться на всю семью на месяц по указанной нормировке. Одной из причин этого, по мнению экспертов, была утечка товаров за пределы региона. По данным печати, в Иркутской области оставалось 20% макаронных и кондитерских изделий, 2% чая, 3% дрожжей, 10% трикотажа, 16% обуви, 40% валенок (*Филиппова В. Крест дефицита // Восточно-Сибирская правда*. 1989. 4 июля). Нехватку товаров и продовольствия объясняли еще и тем, что их дефицит искусственно создан спекулянтами и саботажниками. Областное управление ОБХСС даже указало специальный номер телефона, по которому граждане могли сообщать о неразгруженных вагонах и «коммерсантах» (*Восточно-Сибирская правда*. 1990. 18 дек.). В «Советской молодежи» регулярно публиковались статистические данные по области — сколько было произведено или привезено продуктов, или, например, о том, что органы ОБХСС выявили 291 нарушение и нашли скрытых товаров на 22 тыс. р. (*Советская молодежь*. 1990. 6 сент.).

В условиях острого дефицита росло потребление тех групп населения, которые имели доступ к соответствующим видам продукции (это работники торговли и общественного питания, непосредственно связанные с реализацией мясопродуктов; работники оборонных предприятий, снабжаемые в приоритетном порядке и т.д.) за счет сокращения потребления прочих групп населения. Это вело к абсолютному снижению потребления мяса и мясопродуктов в малообеспеченных семьях. Аналогичная ситуация складывалась с молочными продуктами, с животным маслом. Проблема усугублялась несбалансированной системой сбыта и распределения продуктов, которая порой приводила к значимым перебоям, особенно в малых городах. С распадом Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), исчезновением «единого рынка» стран социалистического содружества были утрачены многие экономические связи и отношения, следовательно, произошло прекращение масштабных

встречных поставок в регион дешевой и качественной агропродукции (в первую очередь консервированных овощей и фруктов). Таким образом, на состоянии торговли и продовольственного обеспечения населения городов региона сказывались трудноразрешимые проблемы советского общества, которые накапливались на протяжении многих лет.

Ю.А. ФОМИНА

О ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

До войны в Байкальский регион большинство товаров широкого потребления завозилось из других районов страны. С целью изменения этой ситуации был взят курс на производство товаров первой необходимости непосредственно в регионе, из местного сырья и отходов крупных предприятий.

Однако война внесла свои коррективы в эти планы, поскольку основной задачей становилась переориентации производства на обеспечение нужд фронта. Необходимо было организовать выпуск для действующей армии шинелей, гимнастерок, лыж, обоза, трикотажных изделий, обуви и многого другого. Целый ряд предприятий были переведены на выполнение спецзаказов Народного Комиссариата Обороны. Некоторые местные производства в начале войны были вынуждены прекратить свою деятельность из-за отсутствия транспорта, квалифицированных кадров, сырья, электроэнергии. В этих условиях удовлетворять потребности населения региона даже в самых простейших товарах было непросто.

В декабре 1941 г. СНК РСФСР утвердил план увеличения производства товаров массового спроса на 1942 г., осудив недооценку их выпуска со стороны местных органов. В постановлении от 2 января 1942 г. «О производстве товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья в 1942 г.» СНК СССР указал на необходимость резкого повышения выпуска товаров широкого потребления. Расширение производства товаров для населения рассматривалось как непосредственная помощь фронту (*Промысловая кооперация: Сборник важнейших постановлений. М., 1994. С. 12*).

На состоявшихся по итогам 1941 г. сессиях областных и городских Советов депутатов трудящихся региона отмечалось, что во втором полугодии 1941 г. производство товаров повседневного спроса в регионе почти остановилось. Исходя из этого, бюро Иркутского обкома партии установило план производства товаров широкого потребления на 1942 г., превышающий уровень 1940 г. на 134,9%, а показатели 1941 г. на 30,3%.